

№12 2000 год ШКВАРНИКОВ ПЕТР КЛИМЕНТЬЕВИЧ

Перед нами непростая задача: написать о Петре Климентьевиче Шкварникове, о человеке, судьба и профессиональная деятельность которого тесно переплетены со сложной, подчас трагической, историей становления и развития генетики в стране. О человеке, усилия и действия которого противостояли разрушительному напору лысенковщины и позволили преодолеть последствия этого периода. Нам бы хотелось напомнить о том, что в настоящее время в Киеве живет человек, работавший вместе с Н.И.Вавиловым, мужественно боровшийся с лысенковщиной в годы ее расцвета, подвергшийся преследованию, но не отрекшийся от своих взглядов. Он прошел всю войну на переднем крае, вернулся в науку и опять был гоним, но не сдался. Петр Климентьевич принимал активное участие в возрождении генетики в СССР и, в частности, в становлении Института цитологии и генетики СО АН СССР. В том, что ИЦиГ СО РАН известен своими работами и в России и за рубежом, немалая заслуга принадлежит и Петру Климентьевичу. Старшее поколение Института цитологии и генетики СО АН СССР, в котором Петр Климентьевич Шкварников проработал всего около 10 лет (зато каких лет!), хорошо его знает, но уже выросло целое поколение ученых, которому он практически не знаком.

Петр Климентьевич Шкварников родился 12 июля 1906 г. в г. Корсунь-Шевченковский Черкасской области на Украине в семье крестьянина. Его родители всю жизнь занимались сельским хозяйством. В детстве именины всегда сопровождалась мелодией песен-петровок, которые можно было услышать со всех сторон села. Богатая природа Шевченковского края, работа в поле в собственном хозяйстве отца пробуждали любопытство к познанию тайн окружающего мира. До 1922 г. Петр жил с родителями в Корсунь-Шевченковском, где учился и закончил семилетнюю школу. В 1922 г. он поступил, а в 1923 г. закончил среднюю сельскохозяйственную школу (агропрофшколу) в соседнем районном центре Воронцово-Городище.

В 1923 г. Шкварников успешно сдал вступительные экзамены и поступил чуть ли не в первый в истории страны вуз в селе – в Институт селекции и семеноводства в с. Масловка Мироновского района Киевской области (институт размещился в бывшем помещичьем имении, в 1933 г. институт слился с Харьковским сельскохозяйственным институтом). Деятельность этого вуза заслуживает отдельного разговора. Многие его выпускники – известные растениеводы, селекционеры, генетики. О феномене Масловки, к сожалению, нет упоминаний ни в одном из украинских энциклопедических справочников. В 20-е годы он был весьма авторитетным учебным заведением. Вот только некоторые имена: В.Ремесло, Ф.Кириченко, П.Гаркавий – все эти, без преувеличения, отцы украинского хлеборобного поля вышли из теперь забытой Богом и властью, а тогда хорошо известной в науке Масловки.

Распределение! После Масловки Петр Климентьевич очутился в Одессе. Одинокашник, позже творец знаменитых мироновских пшениц М.В.Ремесло проводил исследования рядом. С 1927 по 1930 г. Петр Климентьевич работает в Одесском НИИ генетики и селекции в должности ассистента по генетике и селекции пасленовых культур. В 1928–1929 гг. под руководством Андрея Афанасьевича Сапегина П.К.Шкварников провел первые исследования по экспериментальному получению мутаций у картофеля путем облучения вегетативных частей растения. В 1929 г. он успешно защищает дипломную работу на тему "Генетика морфологических признаков у картофеля". К сожалению, эта работа осталась неопубликованной. Эти первые опыты по экспериментальному мутагенезу во многом предопределили основные направления и содержание последующих его исследований.

Украинская школа генетиков и селекционеров ценилась в Советском Союзе очень высоко. Одесский НИИ генетики и селекции в то время возглавлял А.А.Сапегин. И кто знает, как бы все сложилось, если бы А.А.Сапегина не потеснил с директорского поста Т.Д.Лысенко.

Вспоминает Петр Климентьевич:

– Жил и учился в Москве. Но не забывал и Одессу. Случится отпуск или деловая командировка – мчусь в этот южный город. Так получилось и в этот раз. Открыл двери института, а здесь неожиданность:

– Салегин уже не директор... Как?

– Кто?... Трофим Денисович Лысенко.

– Вот оно что! Встретился с Андреем Афанасьевичем в поле (не будет рядом ушей). Тот горько улыбнулся в свои роскошные усы.

– Тяжело нам теперь, “вейсманистам-морганистам”. Потоптались по мне крепко. Особенно этот, с чубчиком. Хоть, правда, наконец, помиловали. Предложили должность заместителя директора.

– Лысенко?

– А кого же еще!

– Ну и ну...

– Вот и я так думаю... Потому и отказался. Выпросил место завлаба. Но и здесь, наверное, съедят. Вот и думаю, как бы удрать в Ленинград к Николаю Ивановичу. Мы с ним одной веры... Семья у меня, друг, распалась. Вольный козак. Уеду подальше от Одессы.

Лидер украинских генетиков в самом деле работал некоторое время с Вавиловым в Институте генетики. Потом его избрали вице-президентом АН УССР и он опять вернулся на Украину, в Киев. Но настало такое трудное время, что Андрею Афанасьевичу так и не удалось осуществить свою голубую мечту – возродить одесскую школу генетики.

Вспоминает П.К.Шкварников: “В эти годы в Одесском НИИ генетики и селекции среди сотрудников был будущий разрушитель генетики Трофим Денисович Лысенко. Еще во время моего знакомства с Лысенко в Одесском институте генетики и селекции он поразил меня своей примитивностью. Мы работали в разных лабораториях. Хотя, конечно, бывали случаи, мы обменивались мыслями, спорили... Лысенко работал над так называемым методом мокрого проращивания озимых и передельвания их на яровые. Но чего-то принципиально нового здесь не было. «Проращиванием» пользовались еще наши прадеды. Но Лысенко с его упорностью и авантюризмом сумел подать свой товар так, что им заинтересовался академик Вавилов. Позже этот человек станет для Николая Ивановича врагом номер один. Но в то время, до тридцатых годов, великодушный Вавилов ему даже будет помогать.

Трофим Денисович, портрет которого в сороковых и начале пятидесятых годов будет висеть рядом с портретом Сталина, был заведующим лабораторией. Если Лысенко и отличался чем-то от других, то в первую очередь, лицемерием, умением пресмыкаться перед властью имущими и пренебрегать всем, что шло от “загнивающего капитализма”. Сын хлебороба из Полтавщины, Т.Д.Лысенко по окончании Киевского сельскохозяйственного института работал на исследовательской станции в Гяндже (Азербайджан). Приехав в отпуск к родителям, Трофим Денисович узнал, что отец в 1933 г., чтобы спасти хотя бы немного зерна от реквизиций властью, спрятал мешок пшеницы под снегом. Озимая пшеница, посеянная весной, выколосилась и дала хороший урожай. Сын “наматал на ус” услышанное от отца. Так родилась теория фазового развития растений – способ переделки озимых пшениц, который впоследствии широко будут использовать последователи мичуринского учения. Многие обвиняют Т.Д.Лысенко в том, что он повинен в смерти Н.И.Вавилова. Но как советовал Козьма Прутков, “зри в корень”. Н.И.Вавилова, и не только его, уничтожила Система, а Лысенко был только продуктом этой системы”.

Осенью 1930 г. П.К.Шкварников поступает в аспирантуру Биологического НИИ им. К.А.Тимирязева при Комакадемии в Москве. Он продолжает исследования по экспериментальному мутагенезу в лаборатории профессора Михаила Сергеевича Навашина (сына Сергея Навашина, автора открытия двойного оплодотворения у растений), изучая природу и условия мутационного процесса при хранении семян. Используя в качестве объектов исследования семена *Crepis*, яровой и озимой пшениц, П.К.Шкварников показал, что процесс образования хромосомных перестроек и видимых мутаций зависит от сроков хранения семян, от температуры, условий аэрации и влажности семян. Изменяя в широких пределах параметры факторов окружающей среды, за несколько недель можно увеличить частоту возникновения хромосомных мутаций до такого уровня, который наблюдается за 6 и более лет естественного хранения семян или после облучения дозой 5-10 тыс. рентген. Полученные результаты М.С.Навашин и П.К.Шкварников рассматривали в качестве доказательства важного значения изменений внутриклеточного метаболизма растений, роли и значимости физиологических процессов в спонтанном мутагенезе. В отсутствие роста и размножения в покоящихся семенах совершаются специфические метаболические процессы, которые приводят к накоплению в клетках зародыша и, возможно, в других частях семени веществ, действующих как эндогенные химические мутагены. Данная точка зрения подтверждалась результатами ряда последующих исследований, в том числе в работах А.Ф.Блексли, Ф.Пето, Г.Штуббе, Ф.Д’Амато, А.Ф.Фер-чайдла и др.

В 1936 году П.К.Шкварникову по совокупности работ по изучению естественного и индуцированного мутагенеза была присуждена ученая степень кандидата биологических наук (без защиты диссертации). В Биологическом НИИ им. К.А.Тимирязева Петр Климентьевич работал до 1937 г.

С 1937 по 1941 гг. П.К.Шкварников работал в Институте генетики АН СССР, куда по настоянию его директора академика Н.И.Вавилова перешла в полном составе лаборатория М.С.Навашина в связи с реорганизацией Биологического института им. К.А.Тимирязева. Изучение Шкварниковым значения мутационной изменчивости, возникающей в семенах под влиянием факторов среды, было продолжено. Характер проводимых опытов был разнообразным. В течение нескольких лет Шкварников проводил часть экспериментов в производственных условиях крупных хозяйств Украины и Сибири в составе специальной комплексной экспедиции АН СССР. К этому времени им были получены и размножены многие практически ценные мутантные линии яровой и озимой пшениц, в том числе более продуктивные, чем исходные сорта, с укороченной неполегающей соломиной, раннеспелые и другие формы. В 1940 году работы в области генетики были прерваны, а оставшиеся в Институте генетики АН СССР несколько центнеров семян мутантов пшеницы были уничтожены.

Продолжая научно-исследовательскую работу в составе лаборатории цитогенетики, П.К.Шкварников в течение полутора последних лет пребывания в Институте генетики АН СССР (с июня 1939 по январь 1941 гг.) работал заместителем директора института по науке.

Об этом времени П.К.Шкварников вспоминает:

– Был чудесный летний день. Над Москвой искрилось теплое солнышко. Ласковый ветерок расчесывал на институтском участке аккуратные ряды подопытных злаков. С легкой душою шел я вдоль дороги. Вдруг вдали – машина. Ко мне или не ко мне? Автомобиль покрутился между квадратиками делянок и подъехал ко мне. Ох, эти неожиданные визиты! Тридцать лет они заставляют чаще биться сердце. Вот так, с работы, забрали многих. Сорвал стебель сорняка и нервно похлестываю им о голенище. Машина подъехала, остановилась. Водитель, поздоровавшись, сказал:

– Велено отвезти вас в Президиум Академии наук...

От сердца немного отлегло. Но все-таки спросил:

– Не знаете, случайно, по какому поводу?

Водитель повел плечами, мол, откуда мне знать, я человек маленький! В Президиуме провели к главному ученому секретарю.

– Петр Климентьевич? – встал тот из-за стола. Здесь мы посоветовались и решили утвердить вас заместителем директора Института генетики по науке. Как вы на это смотрите?

– Должность ответственная, – едва оправился от неожиданного предложения. Надо бы подумать...

– Понимаю, – деловито кивнул секретарь. Решайте... и поскорей. Времени на раздумье у нас мало.

– Подождите! А как же Николай Иванович?

– Не переживайте. Это, собственно, предложения товарища Н.И.Вавилова. Хотя он, как вы знаете, сейчас в Ленинграде.

Работать с Вавиловым... И не как-нибудь, а его первым помощником, правой рукой! Такое не могло даже присниться в самом сладком сне. Из скромной должности старшего научного сотрудника (даже не завлаба!) – в кресло заместителя директора по науке. Не верится! Что лукавить? Большая радость. И одновременно... глубоко в душе зашевелился червячок сомнения – все-таки кандидат наук, а в то время в заместителях директоров таких институтов ходили доктора, а то и академики.

Кроме того, наступили тяжелые времена. По генетикам уже били прямой наводкой. К тому же из наибольших калибров. Пойти в заместители к Вавилову означало попасть под огонь, направляемый любимцем самого Сталина. Долго думал, прежде чем принял предложение Президиума. Вспомнил все: и как в составе лаборатории профессора Навашина перешел из Коммунистической академии в Институт генетики, и как меня, похвалив за исследования мутационной изменчивости пшеницы, впервые заметил Николай Иванович... Нет, просто не могу не оправдать ожидания этого человека!

Как и чувствовал, работать на новом месте было тяжело. Перспективные планы работы института (а они и были на первом месте) в Президиуме Академии наук систематически отклоняли. Их дополняли, переделывали. Но все повторялось. Наступление на отечественную генетику, как известно, началось еще в начале тридцатых годов бурлящими дискуссиями вокруг "меньшевистствующего идеализма". Но это была, так сказать, только артподготовка. В скором времени "напряглись" солидные теоретические журналы, демагоги-универсалы наподобие сталинского выдвигенца юриста Вышинского. И глумление над генетикой приобрело всесоюзный размах. Участники невидимой охоты на ведьм пользовались той же методикой, что и центурионы Ежова. И больно было смотреть, как ученый, которого уже тогда знал весь мир, тратит время на борьбу с пигмеями типа лысенковского подхалима Презента, понимая, что вокруг его дела замыкается железный круг врагов научного прогресса.

Лично у Вавилова не было времени для дискуссий. В большинстве случаев ученый пренебрегал муравьиной суетой тех, кто называл генетику не иначе как "служанкой империализма". Но некоторые ученые института, в том числе и я, должны были давать отпор.

П.К.Шкварников с огромной теплотой вспоминает о Н.И.Вавилове:

– В теплый летний вечер я пришел к Николаю Ивановичу взять одну редкую книгу. Которую именно, честно говоря, забыл, ведь прошло почти шестьдесят лет. Но запомнилось навсегда другое – лицо хозяина квартиры. На прекрасном мудром лбу, в уголках глаз, которые когда-то светились веселым смехом, лежала свинцовая печать неизмеримой усталости. Сказать бы даже не усталости (более точное слово) – тревоги. Да, именно тревоги, которая не оставляла этого оптимистичного и уверенного в себе человека даже тогда, когда он весело похлопывал гостя по плечу и выговаривал свое любимое словечко "батенька". Стольким безымянным аспирантам, очень известным кандидатам, докторам и прославленным отечественным и зарубежным светилам придавало уверенности и силы это ласковое, доброжелательное, интимное вавиловское "батенька"! Бывало, жрец биологии потеряется в джунглях теорий и формул, "наломает дров" и опустит руки. А он двумя или тремя фразами выведет коллегу на истинный путь и весело подмигнет:

– И-и-и, батенька, мне бы ваши хлопоты! Все будет хорошо. Кто не ищет, тот не ошибается...

И у человека вырастают крылья. Он прощается с академиком, словно снова родился.

Доброта... Основной элемент жизни Н.И.Вавилова во всем, независимо, стоит перед ним союзник или противник. Некоторые говорят, что суть гениальности в доброте. Хотя это, конечно, и не деловая категория. Наверное это так. Доброта генетика Вавилова была не просто редкостной, она не знала границ, что, между прочим, ему и помогало, и вредило. Вот хотя бы омерзительное явление, прозванное кем-то "облысением биологии". Простого, но очень коварного агронома, который позже положил на плаху молодую советскую генетику, как известно, ввел в святой храм науки сам Вавилов.

Научный вклад печально известного Трофима Денисовича был мизерным. Другой, черствее и педантичнее, на месте Вавилова его даже и не заметил бы. А щедрый Николай Иванович, видите, подал руку неумехе. Вот к чему может привести доброта. Доброта гения.

Я заходил к Вавилову перед днем его отъезда в экспедицию на Украину. Выпала честь провести с основателем отечественной генетики последний московский вечер. Характерная черта Николая Ивановича – жизненная сила, непоколебимая уверенность в правоте своих научных убеждений, вера в победу правды, добра, истины. Московская квартира Николая Ивановича маленькая – гостиная, кухня, коридорчик. И куда ни глянь – книги, книги, книги... Здесь, будто в "ленинке", можно было отыскать наиредчайшее издание. Сюда дорога не заказана была никому, к директору мог зайти любой работник института. Книжки, как добрые люди, окружали его везде – и в Москве, и в Ленинграде. И он щедро делился своим богатством. Уже было поздно. Москва готовилась отойти ко сну. Пили чай и разговаривали. Разговор, конечно, велся вокруг институтских дел, блокады презентов и лысенков. Николай Иванович был не то чтобы растерян (таким его не видели даже в тюрьме), он тосковал, был встревожен, будто предчувствовал страшное и неотвратимое.

Возвращаясь домой, с тяжелым ощущением я смотрел на пеструю московскую ночь. Жизнь бурлила переливами электрических огней, смехом молодежных компаний, сигналами автомобилей, музыкой невидимых репродукторов... Что им до научных тревог и переживаний, которые окружают нас. Неужели Академия наук, партия, государство, наконец Сталин допустят, чтобы "народный академик" со своими подопечными вытоптал молодые побеги генетики? До известия об аресте Вавилова оставалось шесть дней.

А вот какими словами Петр Климентьевич характеризует Лысенко:

"Как известно, Лысенко считал, что генетика – ересь, буржуазная пженаука, которой не место под крышей социализма. Но не стоит думать, что он был в этом одинок. Противников существования механизма наследственности, переделывания сорта "со середины" было много.

Чтобы убедить оппонентов в том, что хромосомы и другие генетические элементы – не вымысел "вейсманистов-менделистов-морганистов", пригласили в лабораторию цитогенетики Института генетики АН СССР президента ВАСХНИЛ Т.Д.Лысенко. Мол, загляните, уважаемый, в микроскоп и вы сами все увидите. И следует заметить, он все-таки переступил порог пристанища "идеалистов". Однако при попытке воспользоваться оптическим прибором продемонстрировал такое, что стало понятно: этот ученый муж никогда не сталкивался с микроскопом. Правда! "Народный академик", а в скором будущем "генералиссимус" всей нашей сельскохозяйственной науки смотрел в окуляр прибора, словно в колодец, даже не наклоняясь. А позаглядывав таким образом и, конечно, ничего там не увидев, отошел убежденный, что ядро и протоплазма есть, а хромосомы – вымысел наивных последователей сумасшедшего австрийского монаха, которые действуют под прикрытием подозрительного дворянского наследника со званием советского академика.

Кстати, заслуживающий удивления стиль работы с оптикой был у лысенковцев своеобразным шиком. Выращивая сорта "голыми руками", они пренебрегали простейшей лабораторной техникой, порой даже не умея подступить к элементарному микроскопу".

После ареста Н.И.Вавилова в августе 1940 г. директором Института генетики АН СССР назначают Т.Д.Лысенко. Осень сорокового. Москва, Институт генетики. Для заместителя директора Шкварникова вырисовывается четкая перспектива последовать за бывшим директором. Но нужно еще передать кому-то одно из наилучших в СССР академических заведений. Кому? Т.Д.Лысенко. Тем более, что тот уже руководитель ВАСХНИЛ и организатор массовых преследований "меньшевиствующих идеалистов". Не предполагая ни малейшего непослушания со стороны заместителя директора института, предлагают составить акт передачи-приемки в таком духе, чтобы было видно: генетики занимались на протяжении последних лет "черт знает чем". П.К.Шкварников отказывает Президиуму АН и соответственно Лысенко в таком удовольствии. Тогда поручают решить этот вопрос "авторитетной комиссии". Не трудно догадаться, что под патронажем Лысенко и партийных органов комиссия выполняет это иезуитское задание. П.К.Шкварников находит в себе гражданское мужество и публично и резко отказывается засвидетельствовать ложь. Фактически Петр Климентьевич открыто выступил против Лысенко. Дела института 11 января 1941 г. пришлось сдавать. Текст акта о сдаче-приемке института был подготовлен сторонниками Лысенко заранее, в котором деятельность института была представлена в резко негативном плане. Вместо подписи такого акта П.К.Шкварников пишет "Отдельное мнение бывшего заместителя директора Института генетики", в котором он выражает свое несогласие с оценкой деятельности института, изложенной в акте, и отстаивает теоретические основы деятельности института и его практические достижения и тем самым генетику как науку. На 16 страницах машинописи пункт за пунктом разбираются выводы членов "всеми уважаемой комиссии". Этот документ свидетельствует о мужестве и принципиальности Шкварникова, выступившего в этот драматический период за честь вавиловского института, за честь пострадавших ученых-генетиков. Следует подчеркнуть, что в этот период не только противодействие Лысенко, но и простой отказ отречься от своих взглядов грозили арестом, а возможно, и смертью. Многие очень известные ученые оправдывали свой отказ от борьбы против разгона генетики тем, что они опасались за судьбы своих родных и близких. Так вот Петр Климентьевич, имея на руках четверых малолетних детей, не счит возможным отмалчиваться в такой ситуации. Мы часто ищем героев на стороне, забывая о людях, которые находятся рядом.

Вспоминает П.К.Шкварников:

“В августе сорокового в Москву пришла весть: Вавилов арестован. Понятно, что меня немедленно вызвали в Президиум. Известили об этом официально. А вместе с этим предупредили: никаких эмоций, Органы с директором разберутся, а коллектив должен спокойно работать. Но какое может быть спокойствие? Институт бушевал. Если накануне трагедии с Вавиловым видя, как над советской, передовой на то время, генетикой сгущаются тучи, это научное заведение покинули такие выдающиеся биологи, как Костов (Болгария), Меллер (США), теперь пали духом свои, отечественные исследователи. Я тоже не тешил себя иллюзиями. Забрали Николая Ивановича – арестуют и меня. Тем более, что стало известно – институт возглавит Лысенко.

Но работать на должности заместителя директора (а фактически руководителя института) мне предстояло до конца года. Уже зимой пригласили в Президиум АН СССР. Так, мол, и так, готовьте акт передачи заведения Трофиму Денисовичу. О том, что после того как составлю и подпишу документ, меня уволят с работы, прямо не сказали, но все было ясно.

Интересно, что будущий хозяин института не стоял в стороне от этой деликатной процедуры. С присущей ему характерной прямоотой и амбициозностью Лысенко предупредил: оценка работы заведения в акте должна быть негативной (иначе что же ему, такому титану мысли, здесь “исправлять”, “углублять” и “догонять”?).

Справедливости ради заметим, что и руководство Президиума АН СССР, и большинство ученых-биологов не разделяли взглядов Лысенко. Они были против позора института. Но это не касалось “славного мичуринца”.

Долго уговаривали продать истину. Но бесполезно, и тогда... акт составили без меня. Я не только не подписал предложенного не кем-нибудь, а комиссией Президиума АН СССР акта, но тут же, от руки, просто на казенной бумаге зафиксировал свою, отдельную мысль.

Особое мнение сдающего Институт генетики бывшего заместителя директора Института П.К.Шкварникова

Сдавая институт, заявляю, что в разделе акта: “Состояние работы каждой лаборатории в отдельности” не согласен с оценками, данными лабораториям генетических основ селекции растений, межвидовой гибридизации растений, общей генетики, лаборатории фенотипики, отделу генетики сельскохозяйственных животных (две лаборатории), а также считаю не относящимися к акту сдачи-приема все предложения, сделанные относительно дальнейшей судьбы каждой лаборатории института, что является делом плана организации института новым директором.

Свою оценку состояния института к моменту сдачи и оценку работы его отделов даю в прилагаемой к этому акту подробной справке за моей подписью, а также в особой справке о внедрениях и находящихся в состоянии внедрения результатах работы института.

Прилагаю также к акту аннотации заведующих лабораториями и некоторых отдельных сотрудников о работе этих лабораторий и сотрудников.

Институт сдал:	
бывший заместитель директора	П.К.Шкварников
Института генетика АН СССР	Т.Д.Лысенко
Институт принял академик	Д.Г.Корняков

[Печатается по тексту “Акт комиссии Президиума АН СССР о приеме-передаче дел и имущества Института генетики АН СССР новому директору Института генетики академику Т.Д.Лысенко”, опубликованному в журнале “Цитология и генетика”, 1988. Т. 22, № 3. С. 63. Кроме фрагмента этого документа, здесь же были опубликованы: “Докладная записка заместителя директора Института генетики АН СССР П.К.Шкварникова комиссии Президиума АН СССР “Характеристика состояния Института генетики АН СССР на 11 января 1941 г.” (фрагмент) и “Справка заместителя директора Института генетики АН СССР П.К.Шкварникова для комиссии Президиума АН СССР о результатах работы института к моменту передачи его новому директору академику Т.Д.Лысенко” (с. 61–71).

Понятно, что после сдачи института новому директору меня уволили с работы. К чему я, собственно, и был готов. И все-таки прощание с любимым делом получилось намного тяжелее. Давила душу обида: выгнали на улицу ни за что... Месяц, а может, и больше оббивал пороги разных организаций. Нет, не жаловался. Потому, что хорошо знал: таких, как я, тогда охотно устранивали только на лесоразработках.

Неизвестно, чем бы закончились поиски, если бы не встретил приятеля. И такого, который не побоялся помочь. Так я стал рядовым работником сортоисследовательской комиссии главка эфиромасличных культур”.

П.К.Шкварников в сложившейся обстановке утрачивает малейшие перспективы на трудоустройство по специальности в Москве. Его даже собирались привлечь к “ответственности за дармоедство”. До начала войны ему удалось все же устроиться на работу, и с февраля по июнь 1941 г. он работал заведующим отделом сортоиспытания во Всесоюзном НИИ эфиромасличных культур (г. Пушкино Московской обл.).

Возможно, начало войны спасло Петра Климентьевича от ареста. С началом Великой Отечественной войны (с июля по август 1941 г.) П.К.Шкварников учился на курсах повышения квалификации политсостава запаса в г. Чебоксары. После окончания курсов был направлен во вновь формирующуюся дивизию 326 в качестве инструктора по агитации и пропаганде 1097-го стрелкового полка, с которым прибыл в декабре 1941 г. на фронт и участвовал в зимнем контрнаступлении советских войск под Москвой. С 1943 по 1945 г. – лектор политотдела армии. Участвовал во всех проводившихся 11-й Гвардейской армией боевых операциях в составе Западного, Брянского, 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского фронтов. Он участвует в боях под Ржевом, Жиздрой, Витебском, Брянском, Борисовом, Интербургом, Кенингсбергом, Пилау. Дважды был тяжело ранен, но возвращался в строй.

С июля 1945 по февраль 1946 г. П.К.Шкварников – старший инструктор по агитации и пропаганде Политуправления особого военного округа (г. Кенигсберг). После демобилизации в 1946 г. в звании гвардии майора П.К.Шкварников вернулся в Москву.

В Институте цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР с.н.с. П.К.Шкварников в лаборатории М.С.Навашина продолжил исследования по естественному мутагенезу у растений и начал работы по применению на растениях химических мутагенов. В ходе проведенных в этот период исследований природы экспериментально вызываемых хромосомных мутаций П.К.Шкварников получил новые данные, подтвердившие “дислокационную гипотезу эволюции числа хромосом”, сформулированную М.С.Навашиным в 1932 г., а также доказательство в пользу того, что увеличение основного числа хромосом в эволюции растений было возможно не только путем прибавления к основному набору сверхкомплектной центромеры, но и путем поперечного разрыва одной из центромер в процессе хромосомных перестроек с сохранением функциональной способности обеими ее частями.

В 1948 г. Институт цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР был расформирован, а П.К.Шкварников переведен старшим научным сотрудником отдела ботаники в Крымский филиал АН СССР, где работал до 1955 г. Здесь он разрабатывал тему по двуурожайности культуры картофеля на юге, которая получила положительную оценку. В результате этих работ, проводившихся преимущественно в производственных условиях колхозов и совхозов, было показано, что двуурожайная культура картофеля с проведением летних посадок свежубранными клубнями является весьма эффективным методом борьбы с вырождением этой культуры в южных районах страны. В это же время он возглавил экспедицию АН СССР по изучению возможности интродукции культуры чая в Крыму. Результаты работы экспедиции были обобщены в сборнике “Вопросы развития культуры чая в новых районах” (изд-во АН СССР).

В 1955 г. П.К.Шкварников был направлен в числе тридцатитысячников председателем колхоза им. Н.К.Крупской Азовского района Крымской области. В автобиографии 1957 г. при поступлении на работу в ИЦиГ СО АН СССР он напишет: “От этой работы освободился по собственной инициативе в связи с желанием вернуться к научной работе”.

В июле 1957 г. Петр Климентьевич возвращается к научной деятельности в Институт биофизики АН СССР, а в августе 1957 г. переведен в Сибирское отделение АН СССР на должность заместителя директора по научной работе Института цитологии и генетики (директор-организатор – Н.П. Дубинин) и заведующего лабораторией радиационной селекции и мутаций (в настоящее время – лаборатория экспериментального мутагенеза).

В ИЦиГ СО РАН Шкварников возобновляет исследования по радиационному и химическому мутагенезу у растений. Этот период его деятельности является наиболее продуктивным. П.К.Шкварников создал большой активно работающий коллектив лаборатории, уделял много внимания подготовке молодых специалистов. Основная задача исследований коллектива, возглавляемого П.К.Шкварниковым, состояла в изучении закономерностей индуцированной изменчивости у сельскохозяйственных растений под влиянием физических, химических и физиологических факторов. Такая работа широкомасштабно проводилась в течение десятилетия на яровой и озимой пшенице, томатах, картофеле, ячмене, овсе и древесных культурах (клене ясенелистом, облепихе крушиновидной и других плодовых и ягодных культурах).

Развернувшиеся в этот период работы по экспериментальному мутагенезу в Институте цитологии и генетики СО АН СССР, а также в Институте общей генетики АН СССР под руководством Н.П.Дубинина и в Институте химической физики АН СССР под руководством И.А.Рапопорта сыграли важную роль в утверждении и популяризации в СССР экспериментального мутагенеза как одного из новейших эффективных методов селекции растений. Вышеназванные учреждения во второй половине 1950-х и в 1960-х годах были пионерами разработки метода мутационной селекции растений и его внедрения в практику работы селекционных учреждений нашей страны.

В первые годы своего существования ИЦиГ СО АН СССР постоянно находился под пристальным вниманием проверяющих комиссий, под угрозой расформирования. Необходимо было доказать практическую пользу “формальной генетики”. Наиболее существенным селекционным выходом этих исследований было выведение, районирование и внедрение в производство мутантного сорта яровой пшеницы Новосибирская 67, созданного П.К.Шкварниковым совместно с И.В.Черным и В.П.Максименко (СО ВАСХНИЛ). Новосибирская 67 – один из первых в мире сортов яровой пшеницы, созданных методом радиационного мутагенеза (авторское свидетельство № 1801). Основные особенности сорта: высокая урожайность, устойчивость к полеганию, высокие хлебопекарные особенности муки, засухоустойчивость (выше средней), со слабой поражаемостью бурой и желтой ржавчиной, пыльной головней и корневыми гнилями. Сорт очень быстро завоевал признание хлеборобов и широко распространился в Новосибирской, Омской, Курганской, Тюменской областях, Красноярском и Алтайском краях. В период своего расцвета Новосибирская 67 занимала площади свыше 3 млн га, каждая вторая булка хлеба в Новосибирской области выпекалась из этой пшеницы. За создание сорта Новосибирская 67 его авторы были награждены тремя золотыми и одной серебряной медалью ВДНХ СССР, премией Министерства сельского хозяйства СССР.

Еще к 1940 г. по материалам своих исследований П.К.Шкварниковым была подготовлена диссертация на соискание ученой степени доктора биологических наук, однако ее защита по целому ряду причин до войны не состоялась. В 1966 г. по представлению известных ученых-генетиков по совокупности работ П.К.Шкварникову была присуждена ученая степень доктора биологических наук по специальности “генетика”. Вот фрагмент из выступления члена-корреспондента АМН СССР А.А.Прокофьевой-Бельговской: “Я надеюсь, что сегодня будет исправлена исторически обусловленная несправедливость, и Петр Климентьевич Шкварников будет представлен к присвоению ему уже давно и неоднократно заслуженной степени доктора биологических наук”.

В 1966 г. П.К.Шкварников по приглашению президента АН УССР академика Б.Е.Патона переезжает в Киев. Здесь он продолжил исследования по экспериментальному мутагенезу: с 1966 по 1978 гг. – в Институте ботаники, а затем – во вновь образованном секторе генетики Института молекулярной биологии и генетики АН УССР. За этот период выполнен громадный объем экспериментальных исследований на основных сельскохозяйственных культурах (мягкая и твердая озимая и яровая пшеницы, рожь, кукуруза и др.). За выведенный сорт пшеницы Киянка и за глубокие теоретические исследования П.К.Шкварников и его бывший сотрудник академик АН Украины В.В.Моргун были удостоены Государственной премии Украины.

За время работы в ИЦиГ СО АН СССР (1957–1966 гг.) и в Академии наук УССР (1966–1976 гг.) в организованном в Киеве отделе экспериментального мутагенеза П.К.Шкварниковым и подготовленными им молодыми специалистами проведены многочисленные исследования. Сюда относятся вопросы изучения эффективности и специфики действия на растения разнообразных физических факторов и химических веществ, их дозировки, способов применения и модифицирования их эффектов, роли генетических особенностей и физиологического состояния растений в индуцированной мутационной изменчивости, особенностей и перспектив применения экспериментально полученных мутаций в селекции биологически разных групп растений (самоопылителей, перекрестников, вегетативно размножающихся). Примечательной особенностью работ, которые проводились руководимыми П.К.Шкварниковым группами, было стремление разрабатывать наиболее актуальные для практической селекции проблемы – получение и способы использования мутаций важных количественных признаков сельскохозяйственных растений: продуктивности, содержания белка и ценных аминокислот, крахмала, некоторых витаминов, продолжительности срока вегетации, устойчивости к болезням, короткостебельности и др. Результаты проведенных по этим вопросам исследований, конечно, далеко еще не завершенных, имеют принципиальное значение. Они показывают, что кропотливый труд по повышению уровня квалификации научных сотрудников по генетике и селекции. Со дня основания редактирует журнал “Цитология и генетика”.

Кроме вопросов, связанных с селекцией, цитологией и генетикой, П.К.Шкварников решает также и организационные вопросы науки. Он является членом проблемных советов по генетике и селекции АН СССР, по генетике и цитологии АН СССР, Совета секции по генетическим аспектам проблемы “Человек и биосфера” при Комитете по науке и технике Совета министров СССР, Совета Всесоюзного общества генетиков и селекционеров. Он член Координационного совета АН СССР и Южного отделения ВАСХНИЛ по проблемам связи науки с сельским хозяйством. На посту президента УОГИС им. Н.И.Вавилова он ведет большую и плодотворную работу по повышению уровня квалификации научных сотрудников по генетике и селекции. Со дня основания редактирует журнал “Цитология и генетика”.

Большое внимание Петр Климентьевич уделяет подготовке кадров в области генетики и селекции, руководя стажерами, аспирантами, выступая с лекциями для специалистов. Профессор П.К.Шкварников (ученое звание профессора ему было присвоено в 1968 г.) около 10 лет возглавлял кафедру генетики и селекции Киевского госуниверситета им. Т.Г.Шевченко. Под его руководством и при его научном консультировании защитили диссертации 15 кандидатов наук и 2 доктора наук.

Нельзя не отметить четкую и активную жизненную позицию, которую занимал Петр Климентьевич всю свою жизнь. П.К.Шкварников – член КПСС с 1932 г. В члены ВЛКСМ он вступил во время обучения в Институте селекции и семеноводства в с. Масловка в 1924 г. В юные годы он активный работник первичных и районных комсомольских организаций. Будучи членом КПСС, неоднократно избирался на руководящие посты первичных парторганизаций, состоял членом райкомов партии.

П.К.Шкварников – автор более 150 опубликованных работ, организатор и активный участник республиканских и международных совещаний, съездов, симпозиумов. Характерной особенностью научной деятельности П.К.Шкварникова является его стремление к тесной связи своих научных исследований с решением актуальных вопросов производства. За военные и трудовые заслуги перед Родиной П.К.Шкварников награжден 6 орденами и 12 медалями Советского Союза (в их числе ордена: “Красная Звезда” (1943), “Отечественной войны 2-й степени” (1944), “Отечественной войны 1-й степени” (1945), “Трудового Красного Знамени” (1953); медали: “За отвагу” (1942), “За оборону Москвы” (1944), “За участие в Отечественной войне с Германией” (1945), “За взятие Кенигсберга” (1946) и др. П.К.Шкварников – лауреат Государственной премии УССР (1982 г.).

Генетики и селекционеры России и Украины желают Вам, Петр Климентьевич, здоровья и энергии для дальнейшего служения делу развития генетики и селекции в наших государствах.

И.В.Черный, к.б.н., Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск

В.Ф.Древич, к.б.н., Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск

В.И.Глазко, д.б.н., профессор, Институт агроэкологии и биотехнологии, Киев

И.К.Захаров, д.б.н., профессор, Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск